

Сергей Кано Потерянный Город

Сергей Харьков

Потерянный город

<https://litres.ru/74222348>

SelfPub; 2026

Аннотация

"Ну что же ты стоишь на границе города, не осмеливаясь податься вперед. На краю обрыва. Прислушиваясь и стараясь разглядеть. Нет, оттуда ты нас не увидишь. И даже не сможешь понять, что тебя так там, вдали влечет.

Это ничего не стоит – прыгнуть в пропасть с пустыми руками.

Сбрось одежду. Разведи в сторону руки. И медленно, всем телом, подайся вперед. И оттолкнись сильнее ногами. И лети в пропасть. Отдай, отпусти. Потеряйся в этом мире. Забудься, не удерживай. Нарушь свой механический ритм движений.

И ты увидишь любовь. Увидишь ее в нервных движениях пальцев. В цветущих лугах. В развевающихся по ветру волосах любимой.

Пусть неверную, пусть с перебоями, пусть из лужи, но живую.

В своей грудной клетке ты неожиданно услышишь биение сердца. Оно проснется, и будет биться все сильнее и сильнее. Иногда оно будет болеть, иногда петь. Но ты уже никогда не забудешь – в твоей грудной клетке живет сердце."

Сергей Харьков

Потерянный город

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

02 – Потерянный город

04 – Дом

06 – Покинувшие город

09 – Дороги любви

11 – Потери

13 – Два зеркальных котенка

15 – Не стоит хлопать руками по воде

16 – Ветер дул навывлет

17 – История кленового листа

21 – Белая птица и хрустальный сон

23 – Учитель

Потерянный город

Где-то далеко, среди бескрайних полей нашего детства, живет старый город. Средневековый город. Окруженный высокой, мощной, каменной стеной. Город со шпилями, башнями, черепичными крышами. Часы на самой высокой башне городской ратуши, бьющие мерным боем каждые полчаса. Часы на башнях монастырей и замков, видные с каждого уголка города. Узкие, стрельчатые окна церквей с рисунками

из разноцветных стекол. Барельефы львов, мадонн, химер и орлов на каменных фасадах зданий. Флюгера, раскачивающиеся по воле ветра. А там, внизу, узкие улочки и мощеные мостовые. И фигурки людей. Рыцари, трубочисты, кухарки, водовозы, знатные горожане и ремесленники. Крестьяне на рыночной площади, наполненной гомоном и суетой. Идет бойкая торговля. Валяются охапки сена, визжат поросята, блестит чешуей на солнце рыба. А где-то по тихой улочке стучит о мостовую карета. А когда она остановится из нее выйдет женщина, скрываемая длинным плащом, шляпой и вуалью.

Город, в котором живут и тайны.

Славные традиции цеховых мастеров. Кулинаров, часовщиков, оружейников.

Винные погребки и постоялые дворы.

Геральдика древних родов.

Город, живущий и поныне, где все осталось как встарь. Где-то затерянный среди земель, он возвышается над окружающими лесами и полями, и отражается в глади реки, извечно текущей здесь, огибающей западные городские стены. Город ушедший от автомагистралей и электролиний. Город, потерянный нами. Но от этого никуда не исчезнувший. Город, ушедший с карт и из нашей памяти. И живущий своей жизнью. И бьют старинные часы каждые полчаса. Мерно ходят стражники по стене над центральными воротами города. Пройдут по каменной, вытопанной дорожке, позвякивая

железом. Остановятся, посмотрят вдаль на дорогу. Развернутся и идут обратно. Или завидев вдали путника, начинают обсуждать, кто бы это мог быть. Отшагав смену, снимают латы и идут в таверну отдохнуть от ратных дел, попить пива и поиграть в кости.

Новая смена ходит по стене, мерно отстукивая по каменной дорожке

Из года в год, из века в век.

Город живущий и поныне.

И мы с тобой там часто бываем. Вдвоем, взявшись за руки, летим туда сквозь сгущающиеся сумерки нашего вечера. И бродим там по черепичным крышам. Или спим на сеновале где-нибудь на постоялом дворе. Или идем в гости к знакомому часовых дел мастеру. Он живет один и в этот вечерний час охотно нас принимает. Достает нам бутылочку старого вина и четверть головки сыра. Аккуратно разливает рубинового цвета вино в глиняные кружки. Потом также аккуратно нарезает желтый с большими дырами сыр на тонкие ломти. И еще нарезает черный хлеб. И приглашает нас отведать. Все это: и терпкое вино, и ароматный сыр, и тминный хлеб необычайно вкусны, как вкусны они могут быть только в средневековом городе.

Потом старый часовщик начинает нам что-нибудь рассказывать. Он много живший человек и знает много историй. Историй города и историй странствующих рыцарей. Мы молча слушаем, по глотку пьем вино и уносимся мыслями вслед

за его рассказами. А иногда мы начинаем шутить. Делаем удивленные лица, словно не верим ему.

- Дядя часовщик, такого не может быть. Ты наверно все выдумал.

Он горячится и начинает уверять, что все это чистая правда. Но потом начинает понимать, что мы шутим, и все мы весело смеемся.

Иногда мы с тобой взлетаем на самую высокую башню - городскую ратушу. Садимся на каменный пол верхней смотровой площадки и задржав головы смотрим вверх. Смотрим на звезды. Просто молчим, поглощенные бесконечным ночным небом. И так засыпаем, держась за руки.

А утром, разбуженные гомоном улицы, взлетаем и летим обратно, над красными крышами и зубцами башен. Ты замечаешь вылезающего из трубы, перепачканного сажей трубочиста, вынимаешь из волос розу и бросаешь ему. Трубочист крайне удивлен видя падающую возле него розу. Он смотрит на небо, но нас не видит. Потом переводит взгляд на крышу, но видит там только здорового усатого кота. Он ничего не может понять и застывает с вытянутым от удивления лицом. Мы смеемся и, усаживаясь на спину попутному ветру, улетаем.

Город, нарисованный на бумаге тушью и фломастерами. А над городом - четырехконечная звезда, указывающая на четыре стороны света. А в правом верхнем уголке герб города - черно-бело-синий щит. По бокам от щита черный лев и

синий рыцарь. Сверху – герцогская корона.

Тушью на горизонте нарисованы маленькие ветряные мельницы и редкие деревья. Путник на коне мчится во всю прыть к воротам города.

Над городом пушистые облака плывут гонимые ветром. Рядом, в верхнем левом углу, изображена аллегория ветра. Он такой же большой и пушистый как облака. С развивающимися белыми облаками и бородой. Он вовсю раздул свои круглые щеки, так что от глаз остались одни маленькие щелочки, сложил рот трубочкой и мощно дует на облака, на мельницы, на деревья, на реку поднимая на ней сильную зыбь.

И в порыве ветра, на самой высокой башне города развились знамя. Знамя герцога и города.

Дом

Легкие, неровные движения прохладного ветра. Линии холмов и оврагов очерчивают горизонт. Краски пожухли и поблекли. Мерно, неслышно, покачивается былинка. Небо безупречно чистой синевы с пробегающими белыми облаками. Мерно, покорная ветру, на фоне пробегающих облаков покачивается былинка.

* * *

Я строил свой дом из череды дней. Монотонными, длинными шеренгами выстраивались дни в моей памяти. Я жил в городе, и мой дом был точно внесен в архитектурный план

растущего города. Я выстраивал свои отношения с людьми. Внимательно, аккуратно вымеряя, точно рассчитывая размерную цепочку с набегающими погрешностями. Я строил свой дом долго, терпеливо, как опытный, профессиональный строитель. Много раз начиная заново, разрушая непонравившееся, не соответствовавшее ГОСТам и нормам. И руки удивительно точными движениями претворяли замыслы. Цепкие пальцы ловко и умело держали инструмент.

Я строил свой дом из диалогов и встреч. Из болезненных фантазий и нежных телефонных разговоров. Этот мир вмещал в себя огромные административные здания и выкуренные без числа сигареты. Важные бумаги и документы, с фотографиями хранящиеся в папках. И расписания движения пригородных поездов. Деньги, потраченные толково, деньги, промотанные бездумно. Комнаты, обжитые мной и стены со знакомыми до мелочи мне рисунками. Родные стены, в которых я столько перечувствовал и пережил. Стены, в которых я принимал своих друзей.

Я строил дом из одиноких вечеров, наполненных тоской и чувством вины. Я строил дом из суетливых дней, порой не вмещавших в себя мои дела. Но суета оказывалась пустой. По весне я бросал зерна в землю, а по осени собирал плоды. Также я собирал плоды, не сеянные мной, и бросал зерна в землю, зная, что плоды соберу не я.

Я строил дом, и линии построений ложились в строгие горизонтальные и вертикальные ряды.

Я помню, как меня звали, и видел свое отражение в ваших глазах. И был звеном в этой цепи и точкой на пересечении меридианов и параллелей.

Но однажды вечером, неожиданно, не зная зачем, я выйду из дома.

* * *

Дождливый октябрьский вечер позовет меня, и я сорвусь и ошалело брошусь туда, где за стеной дождя ждет меня любовница осень. Я окунусь в нее и сольюсь с ней полностью, до конца, до глубины и бездны октябрьской ночи. Бесповоротно, не обдумывая последствия. Я весь в ней, и она во мне. Любовница осень. Целовала дождем, обнимала ветром. Это волшебная ночь с блестящими, огромными глазами, со стопами ветра, с косыми дождями. И ветер бьет порывами и трепещет на ветру ее багряно-желтое платье, обволакивая ее тонкие формы. И застывшие от дождя и холода губы шепчут – «Любовь».

С лицом, заляпанным грязью, с промокшей насквозь одеждой я пил твой переливающийся, холодный воздух. Я целовал твои пальцы кленовых ветвей и гладил нежно спины осин. Вороны сбившись в стаю, оглашали воздух карканьем и были нам как свадебная свита.

Я вбирал в шприц дождевой воды и вводил себе в вену. Глотал на лету пьянящие капли дождя и бешено крутился в хороводе ливня. Это безудержные полеты в небо и падения в грязь. Но мысль трезва и необычайно ясна.

А потом мы вдруг окажемся на берегу реки, черной бездной, уходящей вдаль, туда, где стена дождя вбивает свои капли в зыбкую поверхность воды. И ты шагнешь на ее гладь, и твое багряно-желтое платье будет шлейфом кружить по воде.

* * *

Но по утрам я возвращался в дом. Потому что днем не мог быть бездомным. И ограждал свой дом от бродяг. И продолжал строить дальше. Но пробовал верить в то, что было ночью. В то, что осень не на витринах магазинов, не на рекламных щитах, а в полях и во мне. И опять приходила ночь, и я опять уходил к ней.

Потому что там не было жалости к себе, недомолвок и недосказанности. И все становилось на свои места. Там не нужно было прятать свои мысли и чувства. Избегать и таиться. Там не было ненужных и оскорбленных, униженных и ущербных. И все мы были женихами и невестами помолвленные единым духом. И наши уста сливались в поцелуе, а в глазах загорались звезды. Наша жалкая влюбленность приобретала силу любви. Любви, утраченной здесь.

И вновь было утро, и вновь был вечер. Я приходил и уходил. Но когда-нибудь я уйду навсегда.

* * *

Придет время, когда я навсегда перешагну порог моего дома. Отрешенный и рассеянный, между небом и землей, силуэт мой растворится в пелене дождя. И буду как помешан-

ный, сбежавший с сумасшедшего дома. Без дома и без памяти о доме. И даже если встретиться прохожий, то не добьется от меня вразумительного ответа, и плюнув, отстанет. А обрывки воспоминаний о том, откуда я уйду, окончательно выдует из моей головы ветер.

Неподалеку от обители царя северных ветров, там, на крутой скале, нависшей над суровым морем, возвышается высокий замок. Готические башни, устремившие свои шпили в небо. Морской ветер, бьющий в лицо. Поросшие мхом камни. Среди суровой красоты северных равнин я найду вас, высокие образы ушедших времен. Ваши уста немногословны, ваши руки сильны, взгляды ваши лучезарны.

Покинувшие город

“В полях под снегом и дождем, мой милый друг, мой верный друг,

Тебя укрыл бы я плащом от зимних выюг, от зимних выюг.

Пускай сойду я в мрачный дом, где ночь кругом, где тьма кругом,

Во тьме я солнце бы нашел, с тобой вдвоем, с тобой вдвоем.

Р. Бернс

В промышленном городе зима. Время дней все меньше. Время ночей все больше. Зима бесснежная и сумеречная. Вот наступил самый короткий день. Бледное небо скрывает солнце, уходящее за серые коробки зданий, и потом дальше,

за горизонт. Это эпогей зимы. Ее кульминация. Но удивительное в том, что в самом мощном проявлении чего либо, рождается зерно перехода в иное, противоположное.

Еще долго долго зима будет заносить улицы пеплом и песком. Замораживать наши губы и руки. Сбивать и глушить ритм сердца, загоняя его далеко в глубь, что бы не было слышно его ударов. Еще будут месяцы застывшей жизни и молчания птиц. Голых деревьев и беспросветных утренних часов. Это еще ее наивысший взлет и торжество. Но в эту ночь я расслышал, как слегка сорвался ее голос, и я уже знаю – она не всесильна. И хотя весны еще ни в чем не видно, я уже глубоко верю – она придет.

* * *

Застывший, замороженный мир людей. Мир каменных рук и леденящих взглядов. Мы потерянные в этом мире. Мы бегущие странники в этом промышленном городе. Наши отношения холодны и формальны.

Мы бесконечное множество шестерен, толкающие друг друга зубьями, вращающиеся со строго фиксированной окружной скоростью. В точном соответствии с передаточными числами. Проверая парные колеса на усталостную прочность.

Стоящие в бесконечных очередях мы выбираем любовь на прилавках. Любовь в ассортименте. Мягкую, теплую, еще живую. Любовь, завезенную с утра. Что бы жарить ее на сковороде с салом.

Мы терпеливо постимся и улыбаемся настоящими голливудскими улыбками. Мы коллекционируем по килограммам наши добродетели, аккуратно выписывая их в тетради, при свете вечерних ламп. При свете живого огня свечей мы листаем порножурналы. И взвешиваем на весах, перед сном, груди наших любовниц.

Мы, живущие среди музыки, но не слышащие ее. Мы механически улавливаем звуки, и они бьются о нас как о стену. Мы зеваем и недоумеваем. В чем же тут гений музыки? Мы засыпаем у телевизора перед новостями прошедшего дня, и закрытые шторы охраняют наш сон.

А за шторами окно. А в окне небо. И полная луна на полнеба. А рядом с ней играет скрипач. Это гений жизни. Из его скрипки исходит музыка живой жизни. И редкие полубезумные души слушают, затаив дыхание, наполняясь этой музыкой. Они содрогаются всем телом, пронизанные этими звуками. Слушают их каждой клеточкой организма.

А наша любовь не хуже. Она еще и красивей. Над ее формами поработали дизайнеры. К тому же она с гарантией на два года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.